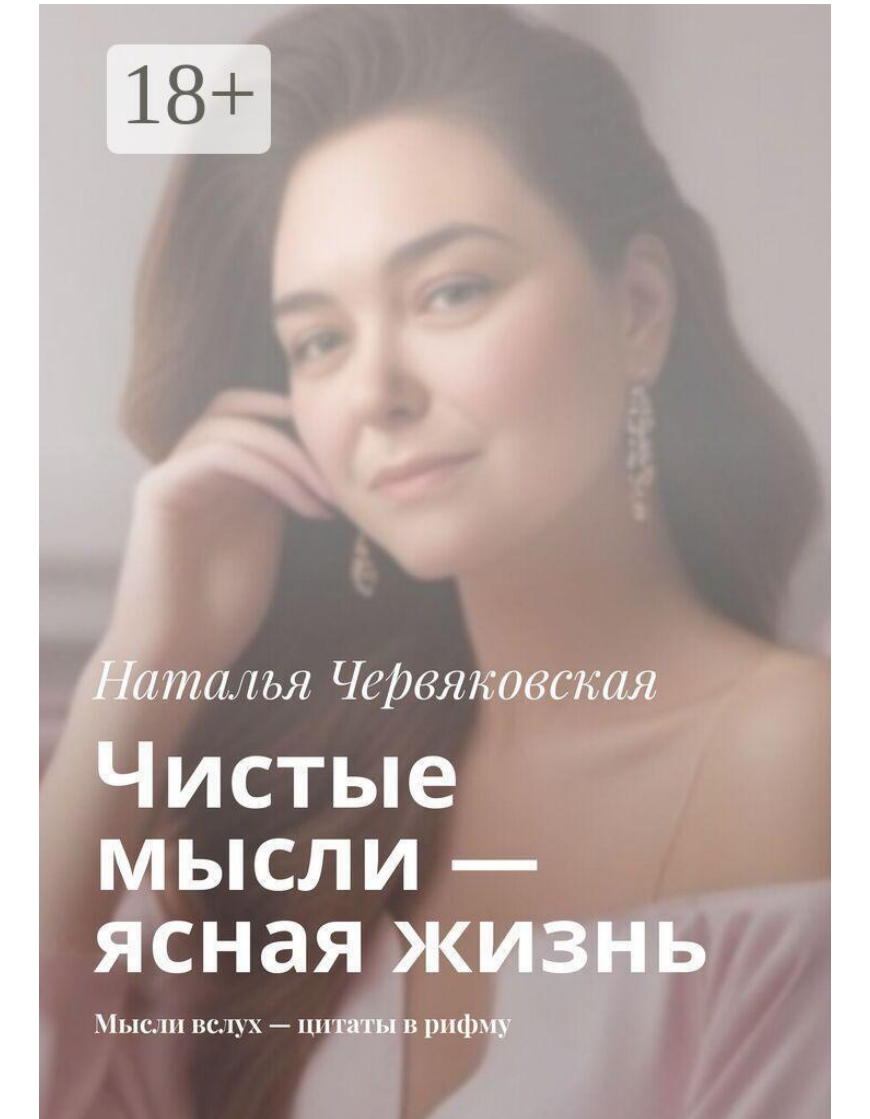

A soft-focus portrait of a woman with dark, wavy hair, resting her chin on her hand. She is wearing large, ornate earrings and a light-colored top. The background is a neutral, light tone.

18+

Наталья Червяковская

Чистые мысли — ясная жизнь

Мысли вслух — цитаты в рифму

Наталья Червяковская **Чистые мысли —** **ясная жизнь. Мысли** **вслух — цитаты в рифму**

<https://litres.ru/74301602>

ISBN 9785007082563

Аннотация

Цитатник «Чистые мысли — ясная жизнь». Лишь горсть разрозненных обрывков, пепла от сгоревших раздумий. Не приговор. Не наставление. Тихое понимание: ты сам в силах прозреть эту жизнь — своим языком, своей собственной цитатой. По нраву ли такой опыт? Вопрос, что повисает в воздухе, не находя однозначного ответа. Хотелось явить миру — явила. Но для меня в этом нет завершённого полотна. Да и существует ли оно вообще в этом мире? Пазл, что не собрать ни одному смертному. Приятного чтения, эстет.

Содержание

Цитаты: коротко, ясно, навсегда	5
Цитаты о любви	13
Цитаты декаданс	25
Мысли вслух — доходчиво и в рифму	34
Конец ознакомительного фрагмента.	45

**Чистые мысли
— ясная жизнь
Мысли вслух —
цитаты в рифму**

Наталья Червяковская

© Наталья Червяковская, 2026

ISBN 978-5-0070-8256-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Цитаты: коротко, ясно, навсегда

Цитаты без рифмы — как мысли без эха

Цитаты ссохлись на губах — чужие берега,
А мне всё чудится волна за пеленой строки.
И чей-то росчерк на стекле оставили снега,
И ты стоишь у сквозняка, разрезав мир на две руки.

Я глажу воздух, узнаю изгиб твоих ключиц,
Но комната полна зеркал — в них только пустота.
И пахнет йодом тишина у выцветших границ,
Где я живу, перечеркнув любые адреса.

Сквозь переплёт сочится мёд — расплавленный июнь,
Пылают литеры твои не хуже, чем заря.
Бессмертник горечь бережёт, касаясь скул и струн,
И я пишу, а значит — лгу, что всё это не зря.

Маршрут лежит поверх могил растерянных надежд,
Где птицы бьются о ладонь, не ведая границ.
Я вырываю из груди несказанный рубеж
И падаю на дно письма, не поднимая лиц.

Здесь каждая чернила капля — как немой глоток,
Я заклинаю пустоту, но в ней — ни света, ни тепла.
Бессмертник на столе засох, и высохший листок
Уже не помнит, для кого я строчку берегла.

А за окном дымится вечер, и в твоём пальто
Чужая тень крадёт последний отголосок дня.
Но я пишу тебе, хотя не знаю, где и кто,
И если эха больше нет — я выживу, храня
Бессмертник под ребром, июнь и солнечный огонь пера.

Уважаемый читатель... А быть может, я просто беседую сама с собой, доверяя мысли набегаящим волнам? Люблю ли я цитаты? И да, и нет. Ведь чаще всего они — лишь осколки, вырванные из живого полотна контекста, обломки смыслов. Их подбирают, как раковины на берегу, забывая, что море, выбросившее их на сушу, уже никогда не вдохнёт в них прежнюю солёную жизнь. Но иногда, в минуты тишины, одна-единственная фраза способна вспыхнуть в сознании ярче тысячи страниц — и тогда я прощаю ей всю её оторванность.

Вот, например, сейчас я сижу в кабинете, где за окном уже сгущаются сумерки. Летний вечер, двадцать восьмое июня — воздух тяжел и душен, будто налит теплом до краев, до

самого горла. Вдалеке слышен гул города, но он приглушен, словно доносится из-под толщи воды — глухой, сонный, почти невесомый, как дыхание спящего великана. Я смотрю на чистый лист бумаги — вернее, на пустой экран ноутбука — и думаю о том, как странно устроена память. Она не хранит целых историй. Нет. Она хранит лишь ощущения: запах скошенной травы, режущий ноздри свежестью; привкус металла во рту, оставленный грозой; ледяной ток от случайного взгляда, пронзающий до позвонков, до самого нутра. Мы собираем себя из этих обрывков — как мозаику, выложенную дрожащими руками, — и удивляемся, что рисунок всегда выходит чуть неровным, чуть размытым, словно кто-то невидимый провел по нему влажной ладонью, стирая грани.

Я вспоминаю один разговор — давний, почти стёртый временем, как старая фотография, выцветшая на солнце. Мы сидели на кухне, пили кофе с лимоном — терпкий, горьковатый, как те слова, что ещё не были сказаны. И собеседник вдруг произнёс: «Ты слишком много думаешь о смысле. А что, если его нет? Что, если мы просто движемся по инерции, как камни, скатившиеся с горы, а все наши поиски — лишь попытка оправдать собственное бездействие?» Тогда я рассмеялась — легко, почти беззаботно. Но сейчас, спустя годы, понимаю: в той фразе было зерно горькой правды, проросшее в тишине. Мы боимся пустоты — этой зияющей чёрной дыры внутри, — поэтому заполняем её словами,

действиями, планами. Мы ткём паутину из целей, чтобы не видеть бездну под ногами, чтобы не услышать, как она дышит нам в затылок.

Но есть в этом и нечто прекрасное. Ведь если смысла нет, мы вольны выдумать его сами. Мы — авторы собственных сюжетов, и каждая из нас пишет свой роман, где главная героиня — она сама. Порой это детектив, где мы, как сыщики, собираем улики собственной судьбы. Порой — авантюрный роман, полный головокружительных поворотов. А бывает — унылая драма, где мы упиваемся жалостью к себе и прокручиваем одни и те же сцены, как заезженную плёнку.

Как же трудно переключить жанр! Особенно когда тело привыкло к пульсу определённого ритма — и шаги ложатся в ту же колею, и дыхание подчиняется старой партитуре. Я замечала: люди застревают в одном и том же состоянии, точно пластинка с царапиной. Игла бьётся о край скола, и они повторяют одни и те же ошибки — как заученную ноту, говорят одни и те же слова, даже влюбляются в одни и те же лица, будто не видя других. И только когда царапина становится слишком глубокой — до крови, до скрежета — они вздрагивают и дёргаются, пытаются переставить иглу на другую дорожку. Но для этого нужно мужество. Нужно признать наконец: ты не жертва обстоятельств, заезженная пластинка ветра, а соавтор этой истории. Тот, кто держит руку.

Тот, кто может выбрать — замолчать или зазвучать иначе.

Вчера я перечитывала свои старые дневники. Знаете, это странное чувство — увидеть себя прежнюю, наивную, ещё не остывшую от страстей, ещё дышащую каждой мелочью. Я смотрела на буквы, которые когда-то выводила от руки, и не узнавала почерка. Он показался мне чужим, словно на этих страницах исповедовалась совсем другая женщина — незнакомка, в которой, однако, билось моё же сердце. Но я помнила ту боль, ту радость, ту надежду, что стояли за каждым словом, словно зажжённые свечи в тёмной комнате. И вдруг поймала себя на мысли: а не потеряла ли я что-то важное по дороге? Не стала ли я слишком «взрослой» — слишком приземлённой, слишком осторожной, слишком тихой? Ведь когда мы взрослеем, мы учимся не только ходить, но и прятаться. Мы обрастаем коркой цинизма, как броней, чтобы не раниться о чужие слова, чтобы не истекать доверчивостью. Но под этой коркой всё так же бьётся живое сердце — просто оно забыло, как биться громко, как биться в голос.

Я думаю, что искусство — это и есть попытка пробить эту корку. Хорошая музыка, фильм, книга — они действуют как тонкий скальпель, который вскрывает нашу защиту. В такие моменты мы снова становимся уязвимыми, но именно в этой уязвимости и кроется настоящая сила. Помню, как однажды я слушала старую симфонию и вдруг разрыдалась. Без при-

чины, без повода. Просто струны задели что-то внутри, что я сама не могла назвать. Это было страшно и сладко одновременно. Как будто я заглянула в себя и увидела там бесконечность.

Но вернёмся к цитатам. Они — тоже своего рода скальпели, только рассекают не плоть, а время. Одна строчка из чужого стихотворения способна перевернуть твой день, месяц, целую жизнь — будто кто-то невидимый щёлкнул выключателем, и мир заиграл другими красками. Помню, в юности наткнулась на фразу: «Жизнь — это то, что происходит с тобой, пока ты строишь планы». Банально, скажете? Возможно. Но в тот миг, когда я прочла её, я стояла на перроне вокзала, а поезд, который должен был умчать меня в другой город — к новой работе, к новой любви, — уже уползал, стуча колёсами по рельсам. Я опоздала на пять минут. И эта цитата стала моим утешением, тихим голосом в пустоте. Я подумала: «Может, это не случайность? Может, жизнь уберегла меня от чего-то большего?» И точно: через неделю я узнала, что та фирма рухнула, как карточный домик. А любовь... любовь оказалась фальшивой — как банкнота в три рубля, что не купит даже надежды. Так что иногда осколки текста спасают нас, даже если вырваны из контекста, будто последние звёзды, упавшие в ладонь.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю: вся моя жизнь —

это попытка собрать рассыпанный пазл, у которого нет картинки на коробке. Каждый день я вслепую подбираю осколки, примеряю их друг к другу дрожащими пальцами. Иногда они сходятся с пугающей точностью, иногда — рассыпаются вновь, оставляя острые края. И это нормально. Это и есть жизнь — без чётких границ, без готовых ответов, без спасительной подсказки. Только движение, только отчаянная попытка дышать полной грудью, даже когда страх сдавливает горло.

Я допиваю остывший кофе — горький, как вечер. За окном уже непроглядная темень, и фонари зажглись робко, словно прося прощения за то, что не могут разогнать всю тьму. Где-то на соседней улице лает собака, и этот звук вплетается в ночь таким родным, почти необходимым аккордом. Я закрываю ноутбук и замираю: кому я всё это пишу? Тебе, невидимый читатель? Или эху собственной души? Или просто в пустоту, чтобы не быть одной в этом огромном мире? Ответ молчит — и, наверное, в этом его мудрость. Главное, что слова живут, когда голос уже устал. Главное, что мы снова и снова ищем, спотыкаемся, падаем и поднимаемся — и каждый раз, когда пальцы касаются клавиш или пера, мы творим этот мир заново. Спасибо, что слушал. Что читал. Что был рядом, пусть даже молча. В этом и есть тот самый главный контекст, ради которого стоит дышать.

Почто же я цитаты не жалую? Единым днём попало мне слово — глубокое, мудрое, безо всякого поучения, словно светлый луч в осенней хмари. Автор — провидец, чуть ли не сродни доброму пастырю, иным оком на мир взирающий, иным сердцем скорбящий. Восхитилась я им. И потянулась к книге, из коей то слово вырвано... а там — о чистильщике-маньяке повесть, кровавая и тёмная, как бездонный колодец. Обмерла я. Как сие сталося? За краткий миг ты человеком любовалась — а пред тобою уже изверг стоял, улыбаясь знакомой улыбкой. Любо ли мне цитаты? Нет, ой нет. Отныне в каждом прекрасном слове чую тень, что за ним крадётся.

Живу я эту жизнь — каждое мгновение, каждый день, до самого донышка, до последней капли света.

Не нужны мне чужие слова, но порой читаю их в бездне звёздной ночи, где тишина говорит громче молитв.

Ибо все мы — пыль на Млечном Пути, танцующая в вечности; все мы — дети Творца, в каждом из нас дрожит Его искра.

Цитаты о любви

Любовь не ищут — она сама объявляется, как свет в осенней чаще. Приходит без стука, как ливень среди ясного неба, — и мир после неё уже не станет прежним, словно после первой грозы. Мы прокладываем тропы, считаем шаги, выбираем дороги по звёздам, но любовь выбирает сама — по воле Рода. Её приговор — без права на обжалование, словно суд Перуна. Она не спрашивает, готов ли ты, — подобно тому как Мать-Сыра Земля не спрашивает зерно, хочет ли оно взойти. Она просто есть — и всё остальное теряет вес, обращается в прах перед её ликом.

Любовь бесшумно входит в тихий дом,
Без карт, без прав, без звонкого ключа,
И прежний мир сгорает в нём огнём,
Себя в тебе избрав из всех миров.

Истинная любовь безгласна, как вода в роднике под утренней звездой. Не вопит она на распутьях, не ищет лика своего в чужих очах. Она смиренна, словно свет Перунов, входящий в избу, где тени становятся ласковыми, а утварь — живою. Нет в ней гордыни — лишь прозрачная нагота, как пред ликом Матери Сырой Земли.

Любить — значит зреть не только обличье сего дня, но все грядущие его завтра, все падения его во тьму и всю милость, что ты сберегла в сердце своём, как Лада хранит род. Сие есть: ведать слабости его и не желать их врачевать, ибо без них он бы стал чужим, не тем, кого Боги тебе повстречали.

Молчание — как утренний порог,
Где тени тают в золоте сиянья.
Любовь не ищет зеркала у ног,
А в слабостях находит оправданье.

Она войдёт неслышно, как рассвет,
Коснётся рук, не требуя ответа.
И сохранит на много зим и лет
Того, кто есть, без грима и запрета.

Не лечит изъян, не торопит век,
Не чертит круг гордыни мелом белым.
Любить — хранить прощенье навек
За всё, что в нём осталось неумелым.

Мы путаем Любовь с цепью, с тяжким железом, что куётся страхом. Мнится нам: любить — значит держать при себе, уздой править, в клетки запирать, дабы не улетела душа милая. Но то не Любовь — то неволя.

Истинная Любовь — как свет Перуновой молнии: слепит, очищает и не держит. Она — безоглядная вера, как материнская молитва в час разлуки. Это отпустить чадо своё в широкий мир, зная, что ветры могут унести его вдаль, что стежки-дорожки его неведомы, — и всё равно шептать ему вслед: «Будь счастлив, родной».

Любовь — не тесный затвор, а чистое поле под ясным небом Сварожьим. Не оковы тяжкие, а крылья соколиные. Не отнимает она вольной волюшки — она наполняет её смыслом, как солнце наполняет колос силой, как река дарует воду земле. Любовь — это не узы, а путь. Не клеть, а небо.

Любовь — не цепь, не контур на запястье,
Не крик «вернись», не замкнутый порог.
Она — ладонь, раскрытая на счастье,
Где каждый вздох свободен и глубок.

Ты думал — удержать, прижать покрепче,
Поставить круг и начертать запрет.
Но где любовь — там только ветер шепчет,
Там нет границ, там всюду райский свет.

Есть Любовь-Огонь — Сварожич лютый, жгучий до беспамятства, что дотла пожирает хоромы души. От неё и сердце займётся до помутнения, и дух перехватит — не продох-

нуть вовек. А есть Любовь-Вода — как сама Мать Сыра Земля, глубокая, тихая да ладная; в любой кувшин согласья перельётся. Ни ветра в ней, ни жара — напояет исподволь. В омуте той любви сгинешь безвременно, а станешь пить из неё с молитвой — не иссякнет родник во веки вечные. С годами-то, брате, разумеешь: вода-то дороже пламени. Ибо Огню не надобно труда класть — сам полыхает, а Вода просит терпения земного да поклона, молитвы неустанной.

В юности манит бушующий зной,
Всполох, где страх обернулся мечтой.
Только от жара останется пыль...
Мудрость приходит, как утренний штиль.

Та, что течёт, не сжигая мостов,
Дарит глоток среди знойных песков.
В ней утопают, но чаще — плывут.
Тихую воду навеки зовут.

Любовь не меряют златом-серебром, не считают сотнями запечатлённых ликов. Она — в малом: в том, как ты уловишь усталость в очах родича, как безмолвно подносишь ковш студёной воды, как остаёшься рядом, когда уйти — легче лёгкого. Самая крепкая любовь от взора чужого схоронена, словно Велесовы тайны во тьме лесной. Она таится во взглядах, что задержаны на мгновение дольше, дабы сердце испытать до

дна; в руке, что сама тянется к руке, как корни дуба к матери-земле; в умение разделить молчание, не обронив пустого слова, не разбив той тишины, что святее золота и серебра.

В усталых взглядах тлеет тихо свет,
Где чай горячий — мой немой ответ.
Там, где уйти, казалось бы, верней,
Я остаюсь — и в тишине ясней.

Рука к руке, как к берегу вода,
Во взглядах — жизнь, что прятали года.
Молчание, где слово — только нить,
Учусь я вместе с тишиною быть.

Но есть в любви и горечь — неотступная, как осенний дождь: никогда не приходит она одна. С нею всегда — страх потери, тот змей, что в сердце свил гнездо. Две стороны единой монеты: чем сильнее возлюбишь, тем больше трепещешь. Не за себя — за того, кто стал твоим дыханием, кто во плоти твоей — как солнце в облаке. И страх сей — не трусость, а высшая нежность, материнское лоно души. Он шепчет, как ветер в осоке: всё временно под луной, и каждое мгновенье любви — дар родных богов, что с ладоней небесных падает звонкой росой. Не откладывая же на завтра — возьми, как Велес берёт землю в горсть, как Перун хватает молнию: сейчас или вовек.

Любовь не ходит по земле одна,
С ней рядом страх — как тень у самых ног.
Две грани у сердечного огня:
Чем жарче свет, тем холодней клинок.

Боишься не своей минутной боли —
Того, кто стал дыханием твоим.
В том страхе нет трусливой, мелкой доли,
Лишь нежность, обращённая к двоим.

А время шепчет о непостоянстве,
Что каждый миг — подарок, а не долг.
В одном живём теперь: любить без права
Откладывать на завтра этот вдох.

Любовь не терпит кривды — не от гнева, а от пречистой своей сути. Кто возлюбил всем сердцем, уста того не смеют лгать, пусть бы правда жгла, как огонь Сварожий. Ибо истина в любви — то зелье целебное: сперва горчит, яко полынь, а после душу исцеляет. Кто же бежит от правды, тот не любит, но личину носит, яко скоморох на игрище. Искренность — единая речь любви, что слышат Родные Боги; всё иное — лишь кривотолки да помрачение.

Любовь не терпит лжи, как свет — теней,

В своей нетронутый, слепящей чистоте.
Когда ты любишь — нет на свете мук больней,
Чем яд неправды, стынувший в плите.

Пусть режет правда, будто острый нож, —
Она одна спасёт от казни скрытой.
Бальзам горчит, но ложь он уничтожит,
Вернув душе союз, нерасторжимый, слитый.

Кто правды избегает, тот — актёр,
Играющий на сцене без кулис.
Ему неведом высь простор,
Где чувства в откровенности слились.

Лишь искренность — безмолвный зов любви,
Без искажений, чистый, как роса.
Ты этим светлым звуком позови —
И отзовётся вечности краса.

Многие ищут любовь, аки награду за труды, конечную светлую песнь в книге бытия. Но не награда она, не точка в строке судьбы, а многоточие, ведущее в неведомое. Не завершает она путь, но врата распаивает в мир иной. За порогом той любви — всё иное: солнце жарче, ветер острее, правда горше и честнее, чем мнилось прежде. Даже когда уходит

она, оставляя по себе пепелище, — остаются шрамы живые,
словно знаки Рода на теле твоём. И те шрамы — не поруга-
ние, а напоминание: ты жил, ты горел, ты был человеком. А
покуда жив человек, покуда в груди сердце стучит — силу
он имеет на чудо великое, на подвиг, что и Богам в радость.

Любви не нужно зала и венца,
Она — распахнутая настежь рама.
И после неё нет слова «конца» —
Есть ты, обветренный, но без изъяна.

Мир стал прямым, как лезвие ножа,
Без позолоты, фальши и обмана.
И даже боль, что в памяти свежа, —
Не кандалы, а нить живого плана.

Шрам на груди — он больше, чем печать.
Он говорит: «Дышал. Любил. Случилось».
А если ты способен отличать
Жизнь от игры — то ты готов на милость.

И чудо тут не где-то в облаках —
Оно в руках, распознанных во мраке,
В обыденных, но честных мелочах,
В простом шаге навстречу, а не в драке.

И самое великое: любовь не надобно искать, словно клад заветный. Она ждёт тебя, как Велес у порога, — остановись, возведи очи горé. Она уже здесь, в каждом вздохе ветра, в случайной встрече на пути, в незнакомце, которому ты улыбнулся, будто солнце ясное. Не прячется она, не таится во тьме — то мы, дети земные, смежаем вежды. Но едва раскроешь их, прозреешь сердцем: любовь — та единая правда, что не лжёт, не обманет, как Мать Сыра Земля под ногами твоими.

Вдох — как любовь: в нём начало и суть,
Встречный прохожий — пронзительный свет.
Глаз не смыкай, не ищи вдалеке —
Всё, что бессмертно, живёт в пустяке.

Что такое любовь? Для меня это тот, кто ушёл — и кого больше нет. Но не было ни минуты, чтобы я о нём не вспомнила: с такой щемящей нежностью, с такой бескрайней болью и благодарностью за то, что я узнала настоящее чувство — то самое, о котором кричат из каждого утюга.

Любовь — это тот, кто ушёл навсегда,
Кого больше нет, но жива теплота.
Ни часа не гаснет свеча у виска —
Так память остра и печаль высока.
И в каждом дыханье, как эхо в ночи,

Звучат его тихие, нежные руки.

Благодарю за щемящую боль,
За каждую, Господи, светлую роль,
Что мы проиграли на сцене одной —
Где зрителем стало небо со мной.
Кричат в интернете про страсть и мечту...
А я — о простом: ты был явью, той самой, во сне — наяву.
Ты — тот настоящий, чью подпись ношу
На сердце, как сон, что ещё допишу.

Нет края у нежности: в пропасть упав,
Она превратилась в кружевной рукав,
Которым коснуться могу до тебя —
Любя, безответно и вечно скорбя.

И пусть не вернуть ни звонка, ни плеча,
Но эта любовь — не огарок свечи,
А целое солнце, чей свет по ночам
Ведёт мою лодку к твоим берегам.
И если спросить: «Отчего не уйти?» —
Туда, где лишь ты, — нет конца и пути.

Познала я, что есть Любовь. И коли молвят мне, что нет
её на свете — лишь жалость в сердце закипает. Не доля те-
бе выпала, брате, пройти мимо такового чуда. Таков огне-

вик-фейерверк пролетел стороной, а ты и очес не возвёл горе. Ибо Любовь — то парение соколиное да всполох зарницы небесной.

Познала я, что есть любовь на свете.
Не слушай тех, кто шепчет: «Это ложь».
Они — как путники в глухой пустыне,
Что не видали, как цветёт миндаль,
Как дышит сад, проснувшись на рассвете.

А кто не ведал — тех мне только жаль:
Им выпал путь сторонкой, мимо чуда,
Глаз не подняв на огненную даль,
Где фейерверк горит. Но я оттуда,
Где всё всерьёз, где всё — любовь и рай.

Ты только мой, и я твоя отныне.
Весь мир исчез — остались ты и я,
И мы парим над суетой пустынной,
Где нежность обжигает, как заря,
Где каждый вздох — как первая молитва.

Я не гадала, встречу ли тебя,
Не заклинала полночь ворожбою.
Ты сам пришёл — и, всё перетерпя,
Я поняла: душа живёт, любя,

И только так становится собою.

Не обещай мне завтрашнего дня,
Не застилай грядущее туманом.
Ты здесь, ты рядом, ты глядишь в меня —
И этого довольно для огня,
Который стал единственным причалом.

Пусть говорят, что время — серый прах,
Что всё сотрёт безжалостной рукою.
Но я вкусила сладость на губах
И не поверю в пепел и в размах
Того, что называют пустотою.

В глазах твоих — глубокая вода,
Прозрачная до самого истока.
Я пью её — и не скажу «беда»,
Я пью её — и знаю: навсегда
Пришла любовь. Как тишина. Как строки.

Цитаты декаданс

Мы устали быть сильными. Сила — это бремя тех, кто ещё верит в завтра. А мы, дети увядающих роз, знаем: завтра — всего лишь бледная копия сегодня, которую мы не хотим пересматривать. Наша доблесть — в умении красиво падать, не разбиваясь вдребезги, а лишь рассыпаясь на лепестки. Мы пьём не вино, а разбавленное временем воспоминание о том, что когда-то казалось счастьем. И в этом вся прелесть — быть слишком уставшим для великих свершений, но достаточно живым, чтобы заметить, как падает последний луч солнца на пыльный паркет.

В немой тишине, где гаснет свет,
Где больше нет ни вопросов, ни ответов,
Рисует пыль замедленный балет,
Следы незримых силуэтов.

Как лепестки, мы падаем без стонов,
Кружит нас время в танце невесомом.
И в пыльном свете длится наш покой —
Простой, последний и такой родной.

Бесплотный луч пронзает пустоту,

И мы парим, не чувствуя потери.
Встречаем на лету не высоту,
А тишину, что глубже всех империй.

Не надо слов, не надо больше сил,
Застывший миг прозрачен и спокоен.
Нас тёплый ветер медленно носил
И уронил. Никто и не расстроен.

Элегантность — это искусство исчезать, не хлопая дверью. Она в том, как ты поправляешь манжету, зная, что твой корабль давно ушёл, а ты остался на берегу навсегда. Ни криков, ни драм. Достаточно лёгкого кивка и запаха увядшей сирени, который ты оставишь в комнате. Декаданс — аристократия духа, лишённая наследства. Мы не боремся — мы доживаем с грацией тех, кто помнит балы, но уже не слышит музыки.

В этой комнате пыльной не слышно вальсов,
Лишь тени танцуют вдоль старых часов.
Аристократия духа уходит в песок —
Ни упреков, ни писем, ни строчки меж строк.

Порок — единственная добродетель, не требующая оправданий. Добродетель пахнет потом и скукой, она криклива и навязчива. А порок тих, он шепчет, как моль, точащая бархат, делая его ещё нежнее на ощупь. Мы выбираем

порок не потому, что злы, а потому, что он красивее. Хотите быть правым и скучным — или ошибаться в окружении кружев и полумрака? Я выбираю изысканную ошибку, что длится до утра.

За шёлковой шторой, где гаснет рассвет,
Где правда хромает по лестнице лет,
Добродетель не спит. Слышен запах её —
Как соль на коже, как крик в забытьё.

А порок тихо ест кружевную постель,
Превращая молчанье в безумный апрель,
Где ошибка изящней, чем совести дрожь.
Сладок привкус неправды, как бархат и ложь.

Правота жмётся в дверь, словно бедный зверёк,
Как над тусклым огнём одинокий мотылёк.
В полумраке — ни боли, ни горестных ран,
Только шёлк, уходящий в молочный туман.

Мы не злы, мы устали от каменных плит,
И краса лишь во тьме без стыда говорит.
Право быть нежелезным — святое, как вздох.
Лучше шёлком блуждать, чем решать на глазок.

Самая большая роскошь, что осталась нам, — это скука. Не та простая, что гложет рабочего, а глубокая, метафизическая скука, когда перебрал все удовольствия мира и они стали пресными. Время течёт как сироп — медленно, сладко, приторно. Ты смотришь в окно и видишь, как проходят эпохи, но не хочется вставать с кушетки. Скука — последний бунт против суеты, сознательный отказ быть частью балагана, где все куда-то бегут.

Не хочется встать
Не хочется лечь
Мне нечего дать
Мне нечего сжечь
Убавила звук
Убрала имена
Моя тишина глубже, чем суета

Мы слишком много знаем, чтобы верить, и слишком мало, чтобы сомневаться со вкусом. Наша вера — красивая бездна: мы стоим на краю и смотрим вниз, но не прыгаем. Там, в глубине, нет ответов, только эхо наших вопросов. Мы не ищем истину — мы ищем её отражения в бокале, в трещине на потолке, в улыбке прохожей. Истина — скучная геометрия, а ложь дарит нам крылья, даже если они восковые и тают на солнце.

Мы слишком много узнали из книг

И слишком мало молчим по ночам.
Я собираю осколки улик
И никому их уже не отдам.
Мы не летим, а падаем вниз
С видом, что это парение.
В каждой неправде — скрытый каприз,
В каждой надежде — старение.

Красота — это диагноз. Её не лечат, её культивируют. Она начинается там, где кончается здравый смысл. Посмотрите на увядшие цветы в хрустале: они куда интереснее свежих бутонов. В их поникших головках — поэма о быстротечности. Надо научиться видеть прелесть в разрушении, ибо только оно честно. Всё остальное — попытка обмануть время, а время — самый изысканный обманщик из всех.

Красота начинается там,
Где кончается здравый смысл.
В тихом треске хрустальных граней,
В разрушении, что завис.
Её не лечат,
Её культивируют наизусть.
Её не лечат,
И в этом вся грусть.

Одиночество в толпе — самый изысканный коктейль. Ты один, но вокруг голоса, смех, музыка. Ты как в аквариуме: видишь чужую жизнь, но не можешь прикоснуться. Это при-

даёт всему налёт нереальности, театральности. Мы все актёры, забывшие текст, и теперь просто стоим на сцене, наслаждаясь светом софитов и запахом кулис. Занавес упал, но мы продолжаем играть — не знаем, что делать после финала.

Я стою у барной стойки, лёд звенит в бокале.
Вокруг люди-призраки танцуют в полумраке.
Смех чужих компаний разрезает воздух.
Я внутри улыбки, но снаружи поздно.
Кто-то заказал любовь на два глотка,
А мой пульс считает время до гудка.

А я в аквариуме, стёкла в полный рост.
Вижу каждый жест, но воздух слишком прост.
Все актёры в зале, свет на пол-лица.
И никто не знает слов, но нет конца.
Нет конца, когда занавес упал.
Мы стоим на сцене, кто нас здесь собрал?

Одиночество в толпе горчит на языке.
Я киваю незнакомцам в такт чужой тоске.
Кто-то мне кричит: «Держись, ещё не вечер»,
Но слова как пули, если сердце лечат.
Диджей ставит трек про наш последний шанс.
Я танцую молча, это мой сеанс.

Будущее — предрассудок современности. Мы, декаденты, живём в вечном настоящем, растянутом до бесконечности. Настоящее — момент между вздохом и выдохом, когда ты ещё жив, но уже не хочешь дышать. Мы не строим планы — мы строим настроения. Мы не ждём завтра — мы дегустируем сегодня, смакуя каждую секунду, зная, что она последняя. И это знание делает мир невероятно хрупким, прозрачным и до слёз прекрасным.

Мы разбили все часы о мрамор наших снов.

Настоящее — стекло, и в нём нет полюсов.

Ни надежд, ни суеты, лишь прозрачный пульс в висках.

Вечность хрупкая на вкус, как слеза в зрачках.

Прощание — высшая форма искусства. Редко кто умеет уходить красиво. Мы привыкли цепляться, плакать, требовать. Но истинный декаданс — умение исчезнуть в сумерках, оставив лишь лёгкий аромат духов и недопитую чашку чая. Ни объяснений, ни сцен. Просто поворот головы, улыбка и шаг в темноту. В этом больше страсти, чем в тысяче объяснений. Ибо что может быть страстнее тайны, которую уносишь с собой, не раскрыв никому?

Наши пальцы — капканы, наша близость — капкан.

Мы привыкли держаться за края чужих ран.

Но я выучу медленно этот странный урок —

Как уйти, не оставив дверных цепей и тревог.

Я оставлю на полке недочитанный том,
Заварной чайник дышит позабытым теплом.
Только шлейф от Шанели, только тень у плеча —
Я умею прощаться, ничего не шепча.

Не ищи моих писем в осенней листве,
Не лови моих жестов в редеющей мгле.
Я ушла сквозь улыбку, сквозь солнечный луч,
Я почти превратилась в молчание туч.

Мы родились слишком поздно. Мы созданы для эпох, что уже прошли. Наши души — старые особняки с заколоченными окнами, где ещё слышны отголоски вальсов. Мы пытаемся жить в этом грубом мире, но он ранит нас острыми углами и ярким светом. Нам нужен полумрак, тишина и медленные движения. Мы — коллекционеры мгновений, музейные смотрители собственной жизни. И пока мир мчится вперёд, мы остаёмся здесь, в пыльных залах, перебирая драгоценные безделушки ушедших дней.

Опоздали на свой поезд, не на тот перрон,
Наши души остались в веке свеч и колонн.
Заколочены окна, но слышен рояль,
В старом доме своём мы храним не печаль.

Мы живём в полумраке, где время как воск,
Острых углов избегая, храним свой покой.
Коллекционеры тени и пыльных зеркал,
В мире ярких витрин — мы музей тишины.

Тихий шаг по паркету, без спешки и встреч,
Мы умеем мгновенья от мира беречь.
Перебраны безделушки, разложен архив,
Каждый день здесь как вечность, но всё же красив.

Острота? Ну разве не пикантно — быть обречённым на
вкус, который никто не оценит?

Соль на рану, уксус в чай,
Я — испорченный рецепт.
Добавляю невзначай
То, чего на свете нет.
Говорят: «Умерь свой пыл»,
Говорят: «Не досоли».
Только кто им объяснил,
В чём секрет моей земли?

Мысли вслух — доходчиво и в рифму

Любовь — это когда тишина, повисшая между вами, не ранит, а укутывает, словно ласковые материнские руки, в объятиях которых мир утрачивает свою пугающую остроту.

Остывший чай — и кухня, зимний плен.
Я не ищу ключей в чужой судьбе.
У этой ночи вкус — сырая тьма,
Пустой подсвечник на пустом столе.

Мы никуда не едем. Свет погас.
Застыло время ломкою слюдой.
И тени, будто чей-то тихий глас,
Чертят свой круг над выцветшей водой.

Я не лечу — я падаю к вещам,
К простым углам, где растворяю страх.
Рассвет крадётся молча по рукам,
Смывая ночь и привкус на губах.

На стенах блики тают без следа,

И стрелки на часах утратят вес.
Минуты не стекают в никуда —
Они растут как мох в глухой навес.

Здесь тишина — как зыбкая вода,
Сквозь пальцы утекает без труда.
Простится всё, что копится года,
Останется лишь этот дым и «да».

Остывший чай, оконное стекло,
Дыханье — и пространство обожгло.
Всё кончилось, но время не истекло.
Всё кончилось — и стало мне тепло.

Счастье не ищут — оно само настигает тех, кто выбился
из сил, кто остановился у обочины и, наконец, раскрыл ла-
дони навстречу ветру.

Ты бежал за горизонт, считал шаги,
Верил: счастье — это приз на берегу.
Но часы текли сквозь пальцы, как пески,
Ты спросил: когда же я его найду?
А оно сидело тихо у тропы,
Там, где клён роняет листья на траву.
Ты упал без сил, разжал свои мольбы,
И вдохнул прохладу, просто, наяву.

Лучшие слова — те, что не изречены. Они остаются честными до гроба, ведь их не коснулось предательство голоса.

Когда срывается с пера строка,
Ей дышится свободно и легко,
Пока гортань, как клетка, далека,
Пока дыхание не обожгло.
Бумага — тихий и надёжный скит,
Где слово плоть не обрело, не спит.

Озвученный, тускнеет нежный свет,
Теряет многомерность глубина.
В произнесённом «да» сомненья след,
В озвученном «люблю» всегда вина,
Что звук не смог вместить всей полноты,
Лишь эхо перевозданной немоты.

Мне внятен шёпот за закрытой дверцей,
Движенье губ, что замерло в тиши.
Несказанное не пронзает сердце
Осколками израненной души.
Невыплеснутый утром, гнев немой
Не станет вечером беды стеной.

Признание, что застыло на ресницах,
Надёжней фраз, истлевших в суете.

Ложь прячется в ораторов-певицах,
Чиста лишь мысль на внутренней черте.
Молчание — не панцирь, не броня,
А тайный сад, раскрывшийся внутри меня.

Порою нужно сбиться с пути, чтобы понять: твой истинный дом не отмечен ни на одной карте, а лишь в той невыносимой глубине, куда ведет одно только сердце.

Все знаки молчат, горизонт опустел,
Лишь дождь, словно пепел, на город осел.
Но в этой бездонной, невыносимой мгле
Мне слышится пульс в онемевшей земле.

Где карты истлели и сломанный компас,
Тепло проступило сквозь холод и страх —
Не вспышкой, не пламенем, что напоказ,
А солью на ране, застывшей в слезах.

Я дома, хоть ноги стоят на ветру,
Хоть в окнах чужих догорает закат.
Звонят соловьями замки впопыхах
И стены дышать по-родному спешат.

Не нужен мне адрес, не нужен маяк,
Ни берег, сжимающий каменный шрам.

Я сама себе пристань, я сама себе знак,
Сквозь штормы ведущий к моим же словам.

Боль — это компас души. Она указывает, куда не должно ступать вновь, но не отнимает права однажды вернуться иначе.

Боль — не пепел, не призрак, не дым,
Что скользит, улетаая без боя.
Это компас, что стал золотым,
Ошибаясь и плача со мною.
Не стирает из памяти вход,
Где споткнулся, где сердце ранимо,
Где без карты, над пропастью лёд,
Что трещал, но держал до любимых.

Всё, что жгло и ломало хребет,
Обернулось огранкой маршрута.
Рванный шрам — это личный билет
В ту страну, где дождались уюта.
И не громом — водой дождевой
Смыло пыль с обожжённых отметин.
Ты идёшь. Только берег живой.
Только свет, что спокоен и светел.

Человек — не то, что говорит, а то, что творит, когда никто не видит. В тишине рождается его истинный лик.

Тишина, как белый лист,
В комнате погашен свет.
Кто ты, если ты один
И свидетелей здесь нет?

Ты — не голос на краю,
Не слова под светом дня.
Ты — поступок, что в раю
Или в бездне у огня.

Сотни масок на лице,
Сотни фраз для площадей.
Но в безмолвном, тёмном дне
Кто ты есть в душе своей?

Человек — не то, что вслух,
Не речи его поток.
Человек — это твой дух,
Твой беззвучный монолог.

И когда не видят нас,
В тишине, наедине,
Вот тогда, в полночный час,
Твой настоящий лик — вовне.

Помнишь жалость без причин?
Помнишь руку не за страх?
Когда ты совсем один,
Без аплодисментов в залах.

Стыд, что жжёт из темноты,
Благородство без наград.
Это подлинные черты,
Это твой алмаз и яд.

Книги не спасают мир. Но они выхватывают из тьмы одну душу — и этого довольно, чтобы Вселенная не рухнула в безумие.

И пусть за окном грохочет гроза,
И мир, как в бреду, срывает резьбу.
Я вижу лишь эти буквы в глазах,
Вдыхая бумажную ворожбу.
Здесь вымыслы лечат сильнее врачей,
А истина колет острее ножа.
Среди непрочитанных мелочей
Учится усталая жизнь дышать.

Время не врачует. Оно учит жить со шрамами, не пряча их, — и в этом его горькая и тонкая мудрость.

Говорят, что время лечит, словно доктор в тишине
Только старые порезы всё ещё горят во мне
Не срослись бесследно раны, не исчезли в пустоте
Я ношу их, как награду, на невидимой черте

Время не врачует, оно учит жить
Не снимает кожу, учит дорожить
Этой горькой мудростью шрамов наизусть
Не скрывая слабости, принимаю грусть

Каждый шаг — напоминанье, каждый вдох — немой урок
Я не прячу очертанья тех, кто в сердце был жесток
Не латаю и не крашу белых нитей на висках
Пусть видны пути потерь моих в открытых зеркалах

Тонкая наука — оставаться целым
Когда мир расколот на «сейчас» и «было»
Но я улыбаюсь каждому рубцу
Он ведёт, как компас, к новому лицу

Принимаю грусть
Я с ней наизусть
Шрамы — это свет
Там, где прошлого уж нет

Целься выше. Даже если не долетишь, упадешь среди облаков — и это будет падением в белизну, а не в пропасть.

Боюсь шагнуть за край привычных стен,
Где каждый вздох предсказан и измерен.
Но тихий голос шепчет мне взамен:
«Я в эту высоту однажды верила».

Мне говорили: «Береги себя,
Не поднимай глаза на те вершины».
Но я рискну, надежду теребя,
И разорву все карты и причины.

Разбей стеклянный потолок сомнений —
Там небо чистое, прозрачнее воды.
Твоя попытка — крылья поколений,
Там в высоте не остается и следа беды.

Воля — не делать что хочешь. Это не делать того, что презираешь, даже когда весь мир шепчет обратное.

В тиши, где воля, как алмаз, крепка,
Где сила есть, но не гнетет рука,
Не мир согнуть — себя расправить в рост,
Воздвигнуть дух над сонмом зыбких звезд.

Бывает стержень — не давить других,
А на краю, где бездна дышит в стих,
Не брать чужого, лезть не замечать,
В душе своей достоинство венчать.

Не мстить, когда обида жжет в груди,
Идти без злобы, что там впереди.
Презреть не брата, что стоит у круч,
А эту слабость — в пропасть сделать ключ.

Вот власть над бездной — не разить, не лечь,
А тишину в паденье уберечь,
Хранить себя, когда ревет гроза,
Смотреть в провал с улыбкой, не в слезах.

Тишина — это самый оглушительный крик души, уставшей от повторений. Она не ждёт оправданий — лишь жаждет быть, наконец, услышанной.

Знакомый маршрут, и пустые циклы,
Привычки ведут, собирая улики.
Я больше не жду, что исправится кто-то,
Мне нужен покой, а не эта работа.

Закрой эту дверь, перестань говорить,

Усталость умеет себя укрепить
Не в бегстве, не в споре, а в редком «побудь»,
Где можно без масок хоть раз продохнуть.

Оглохни от шума и стань в тишине,
На этой целине слышно вдвойне.
Как корни пьют воду, как падает пух,
Как сердце легко замедляет свой стук.

Не оправданье, а способ пройти

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.